

ИОГАНН ЛОККЕНБЕРГ — ПОСЛЕДНИЙ ТОМСКИЙ ПАСТОР¹

И.В. Нам

Рассматривается история лютеранской общины Томска с момента ее институционального оформления во второй половине XIX столетия до конца 1920-х гг. На примере жизни пастора И.А. Локкенберга анализируется репрессивная политика Советского государства в отношении лютеранских пасторов в 1920-е гг., результатом которой стало полное уничтожение церковного лютеранства.

Советское государство, лютеранская община, кирха, пастор, религиозная политика, репрессии.

В современном мире, изобилующем этническими и религиозными противоречиями и конфликтами, со всей очевидностью проявляется взаимосвязь между национальными и религиозными чувствами и представлениями, с их нередко одними и теми же носителями. Национальные (этнические) отношения имеют религиозную составляющую, а государственная политика связана с регулированием межэтнических отношений. Особую актуальность эта проблема имеет для России. Одной из ее цивилизационных особенностей является исторически сложившийся полиэтнический и поликонфессиональный состав населения. Наряду с православием в России представлены традиционные христианские исповедания — католицизм и протестантизм и нехристианские религии — ислам, иудаизм, буддизм и др.

При рассмотрении взаимосвязи религиозного и этнического следует учитывать, что полного совпадения этих понятий нет. Даже в случае мононациональной религии (иудаизм у евреев, армяно-григорианская церковь у армян) немало представителей этих национальностей являются последователями других религий или неверующими. Речь может идти только о доминирующей, но не единственной для данной этнической группы религиозной традиции: для русских — православие, для татар — ислам, для бурят — буддизм. Российские немцы делятся на лютеран (большая часть), католиков, меннонитов, баптистов, пятидесятников и др.

Лютеранство — одно из старейших и наиболее крупных по численности направлений протестантизма в России. Его основатель Мартин Лютер вывесил свои «95 тезисов против индульгенций» на воротах Виттенбергского собора в 1517 г., а уже в 1579 г. московские немцы построили первую лютеранскую церковь в России. Особый интерес лютеранство представляет для этнологии в силу поставленных Лютером, наряду с другими, «национальных задач» — ведение богослужения на родном языке (в отличие от повсеместно употребляемого тогда в Западной Европе латинского языка) и «национальное» устройство церкви [Курило, 2002, с. 7]. В дореволюционной России лютеранство исповедовали представители многих национальностей: немцы, финны, шведы, латыши, эстонцы и др. В современной России во многих крупных городах появились лютеранские общины, большинство членов которых — русские люди.

Государственная политика в отношении «инородцев» и «иностранных вероисповеданий» в Российской империи, проводимая в духе просвещенного абсолютизма, смогла обеспечить межконфессиональный мир и сохранить этнокультурное разнообразие населяющих ее народов. Но нарастание системного кризиса в позднеимперской России диктовало необходимость глубоких политических преобразований, в том числе в церковной политике. Падение монархии сопровождалось поиском более совершенной национально-вероисповедной политики, предполагавшей углубление свободы вероисповеданий, но не отрицавшей духовное значение и культурную роль традиционных вероисповеданий. Ситуация радикально изменилась с установлением советской власти, политика которой сразу же приобрела антирелигиозный характер. Марксистская доктрина рассматривала религию как отсталую форму общественного сознания, которое неизбежно отомрет в бесклассовом коммунистическом обществе.

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

На различных этапах развития российской/советской/российской историографии разные конфессии исследовались с разной степенью интенсивности. Слабо изучалось католическое и лютеранское присутствие в России, в особенности в советский период. Изучение евангелическо-лютеранской церкви осложнялось тем, что лютеранство было преимущественно исповеданием немцев, составлявших более трети российских лютеран. В советской историографии их история была закрытой темой в связи с особенностями государственной национальной политики и депортацией немцев в 1941 г. [Лиценбергер, 2003, с. 14]. Возросший с середины 1980-х гг. интерес к государственно-церковным отношениям в СССР имел результатом и обращение к судьбе лютеранства в России [Лиценбергер, 1999, 2003; Штрикер, 2000; Курило, 2002; Ключева, 2010; Нам, 2010; Савин, 2009; и др.] Однако наиболее тяжелый в истории лютеран Советской России период — рубеж 1920–1930-х гг. — остается малоисследованным.

В настоящей статье мы попытались частично восполнить этот пробел, рассматривая судьбу лютеранских общин Сибири в этот период на примере прихода церкви Св. Марии в Томске. В центре нашего исследования жизненный путь последнего томского пастора Иоганна Адольфовича Локкенберга (1870–1930). В основу исследования положены архивные материалы (ГАРФ, ГАТО, ИАЭ), часть из них опубликована [Курило, 2002, с. 305–307, 314–315, 331–336], и воспоминания епископа Т. Майера [2005].

В первые годы после революции, особенно в период нэпа, положение лютеранской церкви в Советской России было относительно свободным. Основной удар антирелигиозной пропаганды и политики в это время был направлен против православной церкви. Незнание русского языка значительной частью лютеран, особенно живущих в колониях, как и незнание языков лютеран — немецкого, латышского, эстонского — работниками политпросвета, затрудняли атеистическую пропаганду в их среде. Однако в конце 1920-х гг. положение лютеран резко ухудшилось. Осложнение международной обстановки и проведение в жизнь сталинского тезиса об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму имели следствием усиление антирелигиозной политики и репрессий по отношению к религиозным организациям, духовенству и верующим. Лютеране из-за их «иностранный» происхождения и специфического национального состава — немцы, финны, латыши и эстонцы — рассматривались как «пятая колонна» недружественных государств и потенциальные противники советской власти [История религий..., 2001, с. 332–334].

Перелом в отношениях советского государства и лютеранской церкви произошел в 1929 г. Начало новой антирелигиозной кампании было положено директивным письмом «О мерах по усилению антирелигиозной работы», разосланным в феврале 1929 г за подписью секретаря ЦК ВКП (б) Л.М. Кагановича в партийные комитеты. Согласно этому письму религиозные организации объявлялись «единственной легально действующей контрреволюционной силой» [Лиценбергер, 1999, с. 230; Уйманов, 2012, с. 267] и поэтому подлежали уничтожению.

8 апреля 1929 г. было принято постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях», которым вводился целый ряд ограничений на деятельность религиозных объединений. Одной из самых неприемлемых была статья 17, в соответствии с которой религиозным объединениям воспрещалось создавать кассы взаимопомощи и оказывать материальную поддержку своим членам, т.е. заниматься благотворительностью, что всегда было неотъемлемой частью лютеранских приходов [Русская, 1996, с. 250–261].

С принятием указанного постановления началось прямое вмешательство государства в дела церкви. В борьбу с религией включились все партийные, советские и профсоюзные организации. Активизировалась деятельность по изъятию у религиозных общин молитвенных зданий. Усилились преследования и репрессии в отношении верующих и духовенства. Лютеранские пасторы, деятельность которых раньше оценивалась ОГПУ как не выходящая «за пределы служения своему религиозному культу и стремления к улучшению своего материального положения», теперь были объявлены врагами Советского государства [Лиценбергер, 1999, с. 231]. Только за шесть месяцев 1929 г. было арестовано восемь лютеранских пасторов. Обвинения против них чаще всего фальсифицировались. Они обвинялись в антисоветской и контрреволюционной деятельности, в сущности, только за то, что исповедовали свои религиозные убеждения.

Свой крестный путь прошел в эти годы и пастор томского лютеранского прихода Иоганн Адольфович Локкенберг. О нем известно очень мало. Как можно заключить из материалов следственного дела, он родился в 1870 г. в д. Беркдорф Херсонской губернии в семье пастора «из онемеченных эстонцев» [Фоминых, 2006]. В 1888 г. закончил частную гимназию Кольмана в

г. Дерпте (Тарту). После этого поступил на богословский факультет Юрьевского университета, который окончил в 1894 г. [ИАЭ (ЕАА), д. 15175]. В 1896 г. был рукоположен в пасторы, служил в разных городах и странах, в том числе в Германии, которую вынужден был покинуть в 1912 г. из-за «несогласованности мышления с реформаторством». Он отказался подчиниться церковному начальству и не стал собирать с прихожан своей церкви средства на дом сестер милосердия, так как последние являлись приверженками кальвинизма. Впоследствии эти обстоятельства увольнения со службы в Германии не раз становились препятствием для поступления на службу в качестве пастора в России. В периоды, когда И.А. Локкенберг не служил пастором, он занимался научной деятельностью, преподавал немецкий и эстонский языки в детских учебных заведениях и давал частные уроки. В Томск И.А. Локкенберг приехал в марте 1924 г. по приглашению местных лютеран из Иркутска, где он недолгое время исполнял должность пастора. К обязанностям настоятеля томского лютеранского прихода он был допущен временно [Фоминых, 2006].

Лютеранская община в Томске, где закончил свой жизненный путь пастор И. Локкенберг, существовала с середины XVIII в. В 1864 г. на средства общины была построена кирха Святой Марии, которая стала центром духовной культуры и общественной жизни лютеран Томска. Община считалась немецкой, хотя среди ее членов были и шведы, и финны, и латыши, и эстонцы. В 1908 г. число прихожан достигало 5,5 тыс. чел., из них половину составляли немцы, другую половину — эстонцы и небольшая часть латышей [Памятная книжка..., 1908, с. 123–124].

Первые лютеранские пасторы Сибири были выходцами из Германии и Швеции. С открытием в 1802 г. Дерптского (Юрьевского) университета и единственного в империи лютеранского богословского факультета здесь началась систематическая подготовка лютеранского духовенства из россиян. В Сибирь направляли главным образом уроженцев Прибалтики, поскольку этническая пестрота лютеранского населения края требовала знаний, кроме немецкого, других языков — латышского, эстонского, финского и шведского. Лютеранские приходы в Сибири простирались на сотни и тысячи верст, поэтому служба пастора требовала большого мужества и самоотверженности. От пастора, умелой организации дела зависели уровень нравственности и постановка школьного дела в приходе. Первые лютеранские школы в Сибири возникали при церквях, и главным, а порой и единственным учителем в них был сам пастор.

Кандидат богословия при сдаче экзамена на право занятия места пастора в приходе, кроме испытаний по богословским наукам, проходил аттестацию по педагогике, особенно по методике начального обучения. Такая подготовка давала возможность привлекать пасторов для работы и в светские учебные заведения. Так, в середине XIX в. из-за отсутствия учителя немецкого языка в томской гимназии, где обучали европейским языкам — французскому и немецкому, на эту должность был приглашен дивизионный лютеранский проповедник А. Тецлав, который обслуживал военных в Барнауле и Томске. Совмещение им проповеднической и учительской деятельности в Томске стало одним из поводов временного переноса в 1851 г. официального местопребывания пастора из Барнаула в Томск. Окончательно резиденция пастора была переведена в Томск в 1889 г. [Черказянова, 2000, с. 59, 63] при пасторе Э.Ф. Бонвече (1887–1891 гг.)². С этого времени Томск становится центром лютеранского прихода Томск — Барнаул, включавшего Томскую губернию и Семипалатинскую область. В 1896 г. пастором Альфредом Келлером³ в Томске была открыта первая в Сибири официально зарегистрированная городская немецкая школа при церкви Святой Марии. С 1909 по 1914 г. томский приход возглавлял пастор А.Г. Леста⁴, а с 1914 по 1923 г. — пастор Л.Г. Гессе⁵.

В 1913 г. Московской консисторией евангелическо-лютеранской церкви была задумана реформа организации сибирских приходов. Число церковных округов планировалось увеличить с

² Бонвеч Э.Ф. родился в 1861 г. в Галке (Поволжье). В 1887–1891 гг. — пастор в Томске, в 1891–1902 г. — в Пятигорске, в 1922–1927 гг. — в Ростове, с 1927 г. — в Баку. С 1927 г. жил в Москве, многократно арестовывался [Лиценбергер, 1999, с. 337].

³ Келлер А.А. (1867–1951) — лютеранский пастор, родился в с. Нейфрейденталь близ Одессы, в 1892 г. окончил богословский факультет Дерптского университета. 23 января 1894 г. был назначен пастором прихода Томск — Барнаул. С 1904 по 1907 г. — пастор в Радомысле, с 1907 по 1910 г. — в Луганске, с 1910 по 1920 г. — в Новочеркасске, в 1921 г. эмигрировал в Швейцарию [ГАТО, ф. 126, оп. 1, д. 920, л. 2 об.–3; Лиценбергер, 1999, с. 357–358].

⁴ Леста Адальберт Густав (1869–1941). С 1896 по 1897 г. был пастором в Ягодной Поляне, в 1897–1904 — в Самаре, в 1904–1909 — в Тобольске, в 1914–1922 — во Владивостоке, в октябре 1922 г. эмигрировал в Германию. Умер в Мекленбурге [Лиценбергер, 1999, с. 363].

⁵ Гессе Леонард Густав (1856–1933). Родился в г. Сарате (Бессарабия). С 1884 по 1886 г. — пастор в приходе Томск — Барнаул, с 1886 по 1888 г. — в Галке, с 1888 по 1914 г. — в Пензе. Умер в Саратове [Лиценбергер, 1999, с. 347].

9 до 17. Церковный округ Томск должен был делиться на три прихода — Томск, Барнаул, Славгород [Майер, 2005, с. 39–42]. Но Первая мировая и Гражданская войны, революция перечеркнули эти планы.

Революция и Гражданская война привели к разрушению органов управления евангелическо-лютеранской церкви России. Лютеране Сибири оказались отрезанными от Генеральной консистории, располагавшейся в Петрограде, и Московской консистории, которой подчинялись сибирские приходы. В эти годы перед лютеранским духовенством встала задача восстановления церковной организации и урегулирования отношений с властью. С инициативой учреждения временной Сибирской евангелическо-лютеранской консистории с центром в Томске, которая могла бы обслуживать все лютеранские приходы, находившиеся на территории, подведомственной Всероссийскому правительству А.В. Колчака, выступил церковный совет кирхи Святой Марии в Томске. На должность президента предлагался председатель церковного совета А.Г. Гернгардт, управляющий делами «Всеобщей электрической компании» в Томске, а пастор прихода Томск — Барнаул Л.Г. Гессе выдвигался кандидатом в вице-президенты и генерал-суперинтенданты [Курило, 2002, с. 219].

Но на пути названного проекта неожиданно возникло препятствие со стороны латышей и эстонцев. В это время в Томске по инициативе Ф.П. Апсена, инспектора 2-го реального училища, образовался отдельный от немцев латышский приход — «первая в Сибири самостоятельная латышская религиозная община». Учитывая это, совет немецкой общины попытался привлечь к совместной работе в консистории по одному представителю латышской и эстонской колоний. Но латыши это предложение не приняли и выработали свой проект — «Положение о Временной ев.-лют. консистории», который получил поддержку и со стороны местных эстонцев. По этому проекту «Временная ев.-лют. консистория» создавалась как высшее «духовное учреждение» с правами «генеральной» консистории, которой подчинялись бы все евангелическо-лютеранские приходы на территории Омского правительства [Курило, 2002, с. 221–222].

В нашем распоряжении нет документов, характеризующих отношение Омска к этой инициативе церковного совета кирхи Св. Марии. Но есть документ (циркуляр департамента милиции управляющим губерниями и областями от 18 июля 1919 г.), свидетельствующий, что группирующиеся вокруг латышского лютеранского прихода в Томске люди пользовались полным доверием Омского правительства: «В эту организацию входят исключительно латыши-интеллигенты и люди с имущественным достатком и с благоустроенным хозяйством, как в городе, так и в деревнях. Считая себя проживающими оседло в России, эта группа латышей признает без всяких оговорок Всероссийское Временное правительство и готова следовать всем его требованиям...». Причина заключалась в том, что Омское правительство, позиционирующее себя как «всероссийское», в это время рассматривало вопрос об образовании Всероссийской лютеранской консистории при главном управлении по делам вероисповеданий, и проект томского латышского прихода, который в этом вопросе «охотно» пошел навстречу Омску, правительство Колчака устраивал в большей мере, чем немецкий проект [ГАРФ, л. 18–18 об.] В этой ситуации представляется сомнительным, чтобы Омск поддержал идею об образовании отдельной немецкой лютеранской консистории в Сибири.

В 1920-е гг. приход кирхи Св. Марии в Томске входил в лютеранскую церковь России, Всемирный лютеранский союз и подчинялся Высшему церковному совету евангелическо-лютеранских приходов в СССР [ГАТО, р-430, д. 10, л. 16–17]. В целом положение лютеранской церкви в Сибири было достаточно тяжелым. На состоянии общин негативно сказывался раскол в евангелическо-лютеранской церкви, вызванный деятельностью лютеранских «обновленцев» — «Свободной евангелическо-лютеранской и реформатской церковью конгрегационального положения». В Сибири раскол поддержали приходы Шенфельд и Подсосново Славгородского округа. Остро ощущалась нехватка пасторов, во всей Сибири было 5–6 служителей культа различного ранга (в целом в стране в 1924 г. насчитывалось 82 пастора по сравнению с 209 в 1918 г.) [Савин, 2009, с. 399].

После установления советской власти в Томске в 1920 г. кирха Св. Марии, как и церковные здания других конфессий, была национализирована и передана общине вместе с богослужебным имуществом в «бессрочное и бесплатное» пользование. Подписанный членами общины договор обязывал не допускать враждебных советской власти политических собраний, распространения книг, брошюр, листовок и посланий, направленных против советской власти, произне-

сения антисоветских проповедей и совершения набатных тревог для созыва населения в целях возбуждения его против советской власти [ГАТО, р-430, д. 10. л. 3—4 об.]

По договору община брала на себя обязательство по оплате всех ремонтных работ здания кирхи в случае, если в них возникнет необходимость. Воспользовавшись этим пунктом, власти начали регулярно посещать храм под предлогом проверки его состояния. Результатом каждой проверки было составление акта с перечислением претензий к лютеранской общине и пастору. В ответ пастору приходилось давать «подписку» об исправлении недочетов. Количество претензий возрастало с каждой новой проверкой: разрушение крыльца, слабое отопление и, как следствие, отсыревшие стены, исчезновение тех или иных предметов из имущества церкви — подсвечников, покрывал или фисгармонии (как правило, они исчезали во время церковных служб) [ГАТО, р-430, д. 10, л. 34, 78, 80; д. 23, л. 7; Фоминых, 2006]. В 1927 г. пастору И.А. Локкенбергу пришлось отписываться в связи с вывозом за пределы храма так называемого путевого прибора, который представлял собой комплект церковной утвари, используемый при осуществлении церковных обрядов за пределами храма, в городах и селах, где проживали прихожане. Власти же настаивали, чтобы имущество церкви не выносилось за его пределы, что было само по себе абсурдным [Фоминых, 2006].

В условиях жесткого давления на церковь число прихожан, посещавших церковь, постоянно сокращалось. Описание лютеранской общины Томска в середине 1920-х гг. оставил епископ Теофил Майер, совершивший летом 1925 г. поездку в Сибирь по поручению Генерального синода⁶. «Мне кажется,— писал он,— что мы в Европе до сих пор не имеем правильного представления о том, в каком расцвете еще одно поколение тому назад находилось церковное дело в Томске. Община в Томске, кроме прекрасной церкви, имела также большой церковный дом. Здесь находились пасторат, школа и детский дом. Лишь немногие пасторы в Европейской России имели такую комфортабельную служебную квартиру, как пастор в Томске. Благоприятному внешнему положению общины соответствовало также ее внутреннее состояние. Известные представители науки от университета, деятели купцы и ремесленники состязались в организации жизни общины. От всего этого остались лишь воспоминания. Община почти исчезла... Красивая церковь еще достаточно прочна, но требует некоторого ремонта, для чего община собрала 150 рублей и надеется получить еще от присоединения сельских общин...» [Майер, 2005, с. 108, 109].

Верующие боялись идти в церковь, опасаясь быть объявленными враждебными государству элементами. Положение в лютеранских приходах, сложившееся в результате ужесточения религиозной политики, было настолько тяжелым, что пасторы не видели смысла в продолжении деятельности общины. Эту ситуацию хорошо иллюстрирует доклад пастора И. Локкенберга о деятельности церковного совета томской общины 29 октября 1929 г.: «Ввиду того, что население насчет веры терроризировано и упорно держится мнения, что за посещение церкви можно иметь неприятности (попасть в чистку и т.п.), собрания не посещаются. Поэтому и не стоит их собирать. Закон открыто запрещает приходу как таковому заботу о бедных, устройство кружков для всякого рода целей, расширяющих влияние религии, то отпадают все вопросы, которые могут разбираться. Также обстоит дело с церковным советом. Мы ограничиваемся дружескими разговорами. Раньше пастор имел право только тогда требовать от прихожан деньги для ремонта и строительства, если собрание прихожан его уполномочивало. Раз теперь церковь прихожанам больше не принадлежит, то я требую от имени государства, чтобы деньги платились для сохранности строения. Положение прихожан совершенно изменилось, раньше они уполномочивали меня, теперь я от них требую...» [ГАТО, р-430, д. 10, л. 56; Курило, 2002, с. 314—315].

На судьбе томской общины сказался и независимый характер пастора И.А. Локкенберга. Судя по сохранившимся архивным документам, он не принял советскую власть, чего не скрывал. Приведу лишь один факт, свидетельствующий об этом. В ответе на вопрос анкеты, которую должны были заполнить служители кирхи в 1925 г.: «Какой партии сочувствуете и почему?», он написал: **«Партии, которая преследует религию, я не сочувствую»** [ГАТО, р-430, д. 10, л. 11; Курило, 2002, с. 305]. Такую независимую позицию власти пастору не могли не припомнить в 1929 г., когда началась кампания массовых репрессий против священнослужителей. Ему было предъявлено обвинение в нарушении 17-й статьи постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля

⁶ Во время этой поездки епископ Т. Майер посетил все крупнейшие районы и города Сибири от Урала до Монголии (Омск, Новосибирск, Барнаул, Томск, Красноярск, Иркутск) и все самые крупные лютеранские колонии.

1929 г., выразившемся в том, что пастор «скрыл» и хранил в кирхе библиотеку из книг религиозного содержания на немецком, французском, английском, эстонском языках, как отмечалось, «не относящихся к отправлению культовых потребностей». Книги эти свободно читались не только прихожанами, но и людьми, не являющимися членами лютеранской общины. В вину пастору было поставлено оказание помощи нуждающимся, что также запрещалось постановлением 1929 г., преподавание немецкого языка и высылка метрических выписок за границу [ГАТО, р-430, д. 4, л. 75; Курило, 2002, с. 315–316].

Сначала пастора лишили избирательных прав, а затем арестовали. В январе 1930 г. И.А. Локкенберга судили в народном суде четвертого участка Томска. На судебном следствии пастор не отрицал, что пересылал метрические записи за границу, признал и то, что не сдал книги, которые было приказано сдать. Одновременно он заявил: «...а в остальном я считаю, что поступал правильно. По нашему церковному закону я считаю себя в остальном невиновным». Приговор был относительно мягким — принудительные работы в течение шести месяцев и штраф в 100 руб. [ГАТО, р-430, д. 10, л. 71]. Но 4 декабря 1930 г. пастор был снова арестован. На этот раз он был доставлен в томский сектор ОГПУ.

Ужесточение антирелигиозной политики было связано с другими коммунистическими кампаниями — массовой коллективизацией и раскулачиванием. «Наступление на кулачество», провозглашенное ноябрьским пленумом ЦК ВКП (б) 1929 г., сопровождалось гонениями на священнослужителей, которые обвинялись в антиколхозной агитации. В качестве основного обвинения, теперь уже по 58-й статье, пастору была предъявлена агитация против колхозов, которую он якобы вел в д. Кайбинка, где жили переселенцы-латыши. На одном из допросов он заявил: «Кто руководит антисоветской работой в Кайбинке, я не знаю, а хотя бы и знаю, но не скажу как пастор. Я лично работы духовной от политической не всегда различаю, например, я одному крестьянину на его замечание, что ему плохо живется, говорил: “давно бы надо сделаться добровольно бедняком и если есть две коровы, одну подари государству и будешь спасен и придираться не будут”». Чем могло закончиться дело по 58-й статье, очевидно, но 11 января 1931 г. пастор умер в больнице при томском изоляторе от «общей слабости и упадка сердечной деятельности». Реабилитирован был И.А. Локкенберг 31 декабря 2002 г. [Фоминых, 2006].

Под предлогом слабого контроля общины за деятельностью пастора и «умышленного нарушения» положения о религиозных обществах, 18 марта 1930 г. договор с общиной был расторгнут [ГАТО, р-430, д. 10, л. 77, 80, 84 об.] При этом никаких жалоб со стороны прихожан не последовало. Все документы кирхи были переданы на баланс Томского окружного финансового отдела. Какой была их дальнейшая судьба, неизвестно. Для вывоза архива и библиотеки потребовалось несколько подвод. А сегодня в фондах Государственного архива Томской области хранятся лишь пять дел с метрическими записями кирхи Св. Марии за разные годы. Заодно с документами прихватили и два ковра, как «бесхозные», один из них принадлежал предыдущему пастору Л. Гессе, другой остался после отъезда в Латвию одного из членов общины [Фоминых, 2006].

Здание кирхи было передано сначала слесарным мастерским профсоюза печатников, затем — морсо-ягодному заводу. В 1936 г. храм снесли, кирпич пошел на строительство здания медицинского института [ГАТО, р-430, д. 10, л. 94, 95, 97]. Тем самым была поставлена точка в судьбе одной из старейших лютеранских общин Сибири и одного из красивейших храмов Томска.

Лютеранская община Томска и ее последний пастор И.А. Локкенберг разделили судьбу многих религиозных общин и священнослужителей, которые стали жертвами массовых репрессий против церкви, развернувшихся на рубеже 1920–1930-х гг. Особенно трагичными эти годы стали для лютеран. Всего за 20 лет советской власти, с 1917 по 1937 г., из 350 лютеранских пасторов в СССР были репрессированы около 130 чел., из них более 90 отбыли длительные сроки заключения в лагерях, 15 были расстреляны органами ГПУ, 22 умерли в заключении, 4 пропали без вести [Штрикер, 2000, с. 107]. Период с 1929 по 1938 г. стал временем тотального уничтожения обеих лютеранских церквей — Финской евангелическо-лютеранской церкви и Евангелическо-лютеранской церкви Советского Союза. Церковное лютеранство фактически прекратило существование. Процесс возрождения церковной лютеранской организации в СССР начался в 1950-х гг. с установлением дипломатических отношений с ФРГ и началом реабилитации репрессированных народов. Лютеранская община в Томске возобновила свою деятельность в 1956 г., сначала нелегально. В 1964 г. томским лютеранам было разрешено проводить собрания в молитвенном доме евангельских христиан-баптистов, в середине 1970-х гг. они приобрели дом для молит-

венных собраний. Большим событием в жизни лютеран Томска стало строительство новой кирхи с прежним названием — кирха Св. Марии, торжественное открытие и освящение которой было приурочено к российско-германскому саммиту, проходившему в Томске 26–27 апреля 2006 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 10. Д. 1а.
ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 920. Л. 2 об.–3: Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 10, 23.
ИАЭ. Ф. 402. Оп. 2. Д. 15175 (ЕАА. Ф. 402. N. 2. S. 15175).
Памятная книжка Томской губернии на 1908 г. Томск, 1908. С. 123–124.
Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917–1941: Документы и фотоматериалы. М.: Библейско-богосл. ин-т св. апостола Андрея, 1996. 328 с.

Литература

- История религий в России. М.: Изд-во РАГС, 2001. 591 с.
Клюева В.П. Немцы Тюменской области: Сохранение национальной идентичности через религию (конец 1940-х — начало 1960-х гг.) // Разрушение и возрождение в истории Германии и России. Томск: Изд-во ТГУ, 2010. С. 465–475.
Курило О. Лютеране в России: XVI–XX вв. Минск: Фонд «Литературное наследие», 2002. 400 с.
Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь и советское государство (1917–1938). М.: Готика, 1999. 432 с.
Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь в российской истории (XVI–XX вв.) Минск, 2003. 544 с.
Майер Т. В Сибирь: В служении Евангелическо-Лютеранской Церкви. М.: Готика, 2005. 176.
Нам И.В. Судьба лютеранской общины Томска в XX в. // Разрушение и возрождение в истории Германии и России. Томск: Изд-во ТГУ, 2010. С. 484–496.
Савин А. Религиозная жизнь немцев Сибири в 1920-е годы // История и этнография немцев в Сибири. Омск: Изд-во ОГИК музея, 2009. С. 370–400.
Уйманов В.Н. Ликвидация и реабилитация: Политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919 — 1941 г.). Томск: ТГУ, 2012. 564 с.
Штрикер Г. Лютеране в Сибири: Судьба религиозных общин в Сибири // Лютеране в Сибири. Омск: Изд-во ОмГТУ; Эрланген, 2000. С. 93–114.
Фоминых Е. В круге последнем // Том. новости. 2006. 27 апр.
Черказьянова И.В. Немецкая национальная школа в Сибири (XVIII в. — 1938 г.). М., 2000. 307 с.

Томский государственный университет
namirina@bk.ru

The paper considers a history of Tomsk Lutheran community from the moment of its institutional formation in the second half of XIX century up to late 1920s. Basing on a life example of pastor J.A. Lokkenberg, subject to consideration being a repressive policy of the Soviet state regarding Lutheran pastors during 1920s, resulting in the total destruction of Lutheran church.

Soviet state, Lutheran community, Lutheran church, pastor, religious policy, repressions.